

и содержание)» (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50008265>). Дело в том, что вышеупомянутая публикация является полным копированием текста диссертации и некоторых научных статей старшего преподавателя РУДН, кандидата юридических наук П. Н. Андреевой, которая правом личности на инсоляцию занималась более десяти лет, опубликовала множество научных работ на данную тему¹. У. М. Умаев не цитирует и не ссылается на работы П. Н. Андреевой. Это означает, что данная публикация — откровенное воровство.

Надо отдать должное издателям сборника: после того, как был обнаружен данный факт, статью тут же ретрагировали.

В докладе я пытаюсь обратить внимание, прежде всего, на недопустимость недобросовестности и торопливости в научных изысканиях. Причем существование придуманных псевдоюридических терминов, пылкое и нередко страстное обоснование «единственно верного» методологического подхода, способного разрешить все проблемы в теории государства и права, подаются как «новый подход», «актуальная идея», «способ современного решения проблемы» и т. д. Вдобавок иногда как-то агрессивно, скажем, неакадемическими средствами. Выше я постарался показать излишнее, где-то самонадеянное обоснование тех или иных «пробивных» методологий, однако это уровень в основном кандидатских диссертаций и, следовательно, молодых ученых, которым по призванию что-то нужно доказать, и это как-то понятно, хотя науки предполагают точность и корректность мышления, между тем этим дело засорения понятийного аппарата не заканчивается. Болезнь лженаучных обоснований в современной теории права гораздо серьезнее, объемнее. И здесь еще одна немаловажная деталь — это вовлечение молодых авторов в так называемую «хоровую песню», ибо они полагают: чем больше голов, простите за некорректное выражение, тем «аргументированней» сомнительная идея или конструкция. Но здесь появился просвет, и это крайне важно для очищения современной юридической науки. Пока в теории права при первом приближении видятся два фундаментальных примера так называемого самоочищения. Первый — это статья, к сожалению, ушедшего от нас А. Ф. Черданцева «Интегративное недопонимание права»². Не менее фундаментальной в части критики, отповеди, авторской харизмы и опять же иронии является книга В. М. Баранова «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника³. Автор аргументировано и корректно развенчал тлеющее в теории права. Речь идет, по существу, о метафорах, которые энтузиасты тащили на пьедестал высокой науки: «позитивная юридическая ответственность», «поощрительные санкции» и пресловутая «правовая жизнь». Эта книга похоронила метафоры, которым не суждено было пробиться в юридическую науку.

Работы А. Ф. Черданцева и В. М. Баранова специфические, это специфика — в достижении здравого смысла. По большому счету они не являются исследовательскими новеллами, но такой цели авторы, как очевидно, и не ставили. Но в плане наведения порядка и чистоты в доме теории права им цены нет.

Горшенков Геннадий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского

Ретроспективный туризм в гущу уголовно-правовых событий, связанных с рождением криминологии и уголовной политики

Идея научного туризма, навеянная профессором А. В. Малько, резонирует с методологическим принципом *преемственности*. Данный принцип активизирует развитие криминологического мышления с учетом тех исторических условий (начиная с середины XVIII века), в которых юридическое учение о преступлении столкнулось с необычным осязаемым воздействием нового, «инакомыслящего» взгляда на исследуемый предмет. Новизна заключалась в том, что исследовательская

¹ См., например: Андреева П. Н. Право личности на инсоляцию. Москва, 2019.

² См.: Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 1.

³ См.: Баранов В. М. Позитивная юридическая ответственность: спорный концепт, мнимая критика, виртуальная техника. Москва, 2021.

мысль обращалась не столько к знаниям, *падающим с небес* (что характерно для рационалистического познания), сколько к знаниям, *бьющим из земли* (по выражению родоначальника эмпиризма Ф. Бэкона). И в этом позитивистском обращении получили развитие два научных направления — криминологическое и уголовно-политическое.

Изначально *политическая сущность* уголовно-правовых наук была заложена и по сущности *криминологически* (в современном понимании) *обоснована* Ч. Беккариа в его бессмертном трактате «О преступлениях и наказаниях». Так, в отличие от средневекового, уголовно-правового возвышения репрессивности наказания Беккариа находил современную политическую стратегию в ее гуманистической направленности. Ученый не допускал, чтобы «в политическом организме, призванном действовать, не поддаваясь влиянию страстей, и умиротворять страсти индивидов», могла «найти приют бесполезная жестокость, орудие злобы и фанатизма»¹. При этом жестокость наказания Беккариа, хотя и находил не противоречащей цели предупреждения преступлений, однако считал ее практически бесполезной. Более того, представлялось очевидным, что несовершенно законодательство, его неверное понимание и применение порождали обратный эффект — преступления².

Беккариа считал усовершенствование воспитания самым верным, хотя и самым трудным средством предупреждения преступлений, в котором формируются нравственные корни социального поведения, устойчивого к различным негативным, в том числе и особенно к криминальным, воздействиям.

И в этом отношении показателен такой «преемственный» факт, как утверждение основ современной отечественной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации³.

В целом произведение Ч. Беккариа воспринимается как свод основополагающих *криминологическо-политических* положений, сходящихся в итоге в фокусе политического осмысления противодействия преступности. Можно сказать, что Ч. Беккариа открыл политический аспект криминологического обоснования будущих уголовно-правовых наук.

Идеи Ч. Беккариа получили развитие в трудах германского юриста, одного из основателей социологического направления в уголовном праве и криминологии Ф. Листа. Ученый считал криминологические знания чрезвычайно необходимыми для уголовной политики; он подчеркивал важность исследования причин преступлений, которые нередко кроются не столько в нравственном разложении преступника, сколько в несовершенствах общества.

Ф. Лист и его сторонники отстаивали категорическое убеждение в том, что криминалист — профессор ли уголовного права, судебный следователь, полицейский — не должен ограничиваться *чисто* юридическим образованием, ибо именно в нем видится «глубочайшее основание многих недостатков и несовершенств в деле борьбы с преступностью»⁴. При этом от криминалистов не требуется проведения самостоятельных прикладных исследований, но надлежит освоение в равной мере также знаний уголовной биологии и уголовной социологии, как и — постановлений уголовных законов и решений кассационного суда, заключал Ф. Лист⁵.

В связи с таким новым направлением юридического учения о преступлении возник вопрос: как совместить уголовное право, уголовную политику и криминологию? Главной проблемой выступало спорное определение соотношения юридического и неюридического в учении о преступлении.

Выдающийся российский ученый С. К. Гогель критически оценивал науку уголовного права за ее чисто рационалистический дедуктивный метод, указывал на ее «несостоятельность для освещения существующей преступности, ее причин, конечно, и мер борьбы с преступностью»⁶. И ученый обращался к новой науке, которая никак не могла быть прикладной наукой к указанной догме,

¹ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Москва: Фирма Стелс, 1995. С. 105.

² Там же. С. 87.

³ Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.03.2024).

⁴ Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В. С. Овчинский. Москва: Инфра-М, 2004. С. 15.

⁵ См. там же.

⁶ Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. Санкт-Петербург, 1910. С. 2.

от которой новой науке нечего было заимствовать, поскольку ее задача заключалась в другом — исследовании реальной преступности и ее причинности.

Под новой наукой ученый подразумевал именно двуединую криминолого-политическую науку. В *первой* ее части (криминологии) предмет изучения составляли преступность и ее причины, факторы, во *второй* — репрессивные и превентивные меры борьбы с преступностью. При этом С. К. Гогель рассматривал *уголовную политику как прикладную науку по отношению к основной науке криминологии*¹.

Давая общую характеристику факторам преступности, Гогель обращал внимание на то, что научные знания и в целом учения о данных факторах основываются отнюдь *не на умозрительных, а на позитивных теориях*. Несомненным признавалось первостепенное значение криминологического изучения социальных факторов, которые играют наибольшую роль в причинности преступности. Тем более, подчеркивал ученый, новой наукой (криминологией) уже в то время было установлено, что преступность представляет собой *«не кучу случайностей», а социальное явление*, которое «наступает, растет или убывает не внезапно, а постепенно, как следствие других явлений»². Следовательно, репрессивные меры, причем, направленные на индивидуальные преступления, здесь бессильны. Необходимо обращать усилия на *предупреждение преступлений*, в чем С. К. Гогель находил *«общий руководящий принцип»* борьбы с преступностью³.

И хотя догма уголовного права «держалась» практически недоступной для проникновения в нее криминолого-политических идей, эти идеи со временем получают заметное развитие вне юридической сферы; в частности, криминология обретает «прочный и все более и более разрастающийся базис»⁴, в котором находит прочную основу уголовная политика. Следует сказать, что криминолого-политические идеи, опирающиеся на полученные опытные знания, особенно уголовного правосудия, инициируют более чем существенную переработку уголовного законодательства в соответствии с новыми гуманистическими идеями. Например, в ряде европейских государств были введены ограничения на применение пыток, смертной казни и телесных наказаний, провозглашено равенство наказаний и др.

Переосмысление и соответствующее реформирование уголовного законодательства вело и к неизбежному изменению науки уголовного права. Криминолого-политическая мысль стала заметно приобретать уголовно-догматический характер⁵.

В свою очередь, наука уголовного права сегодня призвана опираться на материалы прикладных (криминологических) исследований уголовно-правовых норм, оценивая их эффективность. Изучение правоприменительной практики открывает возможность реализации одной из важнейших задач уголовно-правовой науки, а именно разработки направлений, методов и средств совершенствования уголовного законодательства, *исходя из конкретной криминолого-политической ситуации*⁶. Это — *с одной стороны. С другой* — «уголовно-правовая наука помогает оптимизировать качество уголовной политики, взвешенность законодательных решений»⁷.

Таким образом инициированная в середине XIX века догмой уголовного права «протестная» позитивистская мысль, призывающая науку спуститься с умозрительных небес на землю и всмотреться в тех, кто совершает преступление, взвешивая, почему это происходит и как предупреждать преступление, если репрессия не помогает избавиться от этого зла, сегодня не только преодолела догматическое непонимание, но и начинает признавать криминолого-политические преимущества.

Определяя понятие современной уголовной политики, авторы учебника по уголовному управу (МГУ) подчеркивают: *«Уголовная политика — это выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, принципы, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного законодательства, практики его применения»*

¹ Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. Санкт-Петербург, 1910. С. 3.

² Там же. С. 161.

³ Там же.

⁴ Чубинский М. П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / сост. В. С. Овчинский, А. В. Федорова. Москва: ИНФРА-М, 2008. С. 373.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Плотников. Оренбург: Университет, 2016. С. 32.

⁷ Современное уголовное право и криминология: сборник научных статей / отв. ред. А. Э. Жалинский. Москва, 2007. С. 8.

(выделено нами. — Г. Г.), а также воздействия на правовую культуру и правовое сознание населения. Иначе говоря, уголовная политика... определяет стратегию и тактику борьбы с преступностью мерами уголовного права»¹. Разумеется, основываясь при этом на криминологических наблюдениях, объяснениях, оценках и прогнозах.

Акцентируя внимание на этом последнем утверждении, подчеркнем его *доказательность* и *важность* методологическим положением о том, что теоретическая мысль, пусть даже самая безупречная, однако не способна проникнуть в закономерности мира и поэтому «должна постоянно получать стимулы, толчки, факты из окружающей действительности посредством наблюдений, эксперимента, то есть эмпирического познания»². Когда же работа ума, как утверждал В. И. Вернадский, лишается этих стимулов, она «переходит в дальнейшем к бесплодной схоластике»³.

Таким образом, метафоричный туризм в историческую эпоху зарождения и развития новых направлений юридического учения о преступлении инициирует идею о роли и значении криминологии и уголовной (точнее сказать, теперь уже в целом противопреступной) политики в современной семье уголовно-правовых наук (именуемой научной специальностью 5.1.4). В одном из вариантов паспорта названной научной специальности криминологии делегирована, по сути, политическая функция — *стратегия применения специальных средств* или мер (уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-розыскных, уголовно-исполнительных, криминологических) в целях выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений⁴.

В краткой формулировке «стратегия применения специальных мер» заключено широкое понимание. Специальные меры, или «правовые средства», определяемые, например, профессором А. В. Малько как «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей»⁵. В нашем случае такими средствами являются правовые нормы и институты, содержащиеся в уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном, оперативно-розыскном и других отраслях законодательства, которые применяются прежде всего правоохранительными органами в противодействии преступности.

Но было бы крайним упрощением понимать таковые меры как элементарный набор средств. В таком случае к чему должно сводиться их криминологическое изучение? Дело в том, что каждая (отраслевая) группа этих мер представляет собой *подсистему* элементов *системы* государственного (а именно *специального*, то есть правоохранительного) принуждения. Например, предусмотренные уголовным законом меры уголовного наказания переходят в другое состояние, как бы «оживают» в процедурной сфере уголовного судопроизводства, а затем окончательно раскрывают свой предупредительный потенциал в уголовно-исполнительной сфере, подчиняясь *политическому велению* предупреждения (исправления, предупреждения, восстановления социальной справедливости).

По мере необходимости принудительное воздействие продолжается в форме *постпенитенциарного контроля*, то есть системы мер временного надзора, который осуществляют органы внутренних дел, за поведением определенной категории лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в целях частной и общей превенции преступлений⁶. В этих целях ведущая роль отводится пробации — специальной предупредительной деятельности, осуществляемой с осужденными, лицами, которым назначены уголовно-правовые меры, не связанные с лишением свободы, освобожденными из учреждений, исполняющих наказание⁷.

«Политическое веление» надо понимать как предусмотренную соответствующими отраслями уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, оперативно-розыскной науки

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. Москва: Статут, 2012. С. 34.

² Спиркин А. Г. Философия: учебник. 2-е изд. Москва: Гардарики, 2006. С. 444.

³ Там же.

⁴ Область науки. URL: <https://skspba.ru/wp-content/uploads/2021/09/Проект-паспорта-научной-специальности-5.1.4.-Уголовно-правовые-науки.pdf> (дата обращения: 08.06.2024).

⁵ Малько А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 69.

⁶ Постпенитенциарный контроль. URL: <https://yandex.ru/search/?txt=постпенитенциарный+контроль&lr=20609&clid=2630713-16&win=537> (дата обращения: 19.08.2023).

⁷ О пробации в Российской Федерации: федеральный закон от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html> (дата обращения: 04.03.2024).

политику противодействия преступности. Однако такое «веление», или приказание, требование само по себе не реализуется. Нужны усилия субъектов противодействия преступности, специалистов в области научной, законодательной, правоохранительной деятельности.

И одним из средств интеграции этих усилий рассматривается овладение заинтересованными субъектами криминологическим мышлением. Идея эта не нова, вспомним прозорливого Ф. Листа, который писал о необходимости владеть, по сути, такого рода мышлением.

Сущность криминологического мышления вытекает из криминологической целесообразности, то есть соответствия управленческих оценок, решений, действий в отношении преступности и их результатов криминологическим целям, органически связанным с политическими целями.

На основе криминологического мышления (профессионального единодушия) возможна системная интеграция, или *процесс объединения нескольких систем и компонентов в единую, целостную систему, которая работает для достижения общей цели*. Например, в качестве такого системного интегратора в практической сфере представляется возможным рассматривать своего рода *координационную структуру* органа управления исполнительной власти, правоохранительной деятельности и т. п.

Таким образом, рожденная в прошлом жизненно важная идея интеграции усилий уголовно-правовых наук и практик, сегодня остается не только по-прежнему актуальной, но и рассматривается как основополагающая идея в политике противодействия преступности.

Грязнова Татьяна Евгеньевна,
доктор юридических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
начальник кафедры теории и истории права
и государства Омской академии МВД России

Состояние и стратегические задачи отечественной юридической науки: взгляд российских правоведов рубежа XIX — XX века

Доктринальная юриспруденция Российской империи конца XIX — начала XX века для современной юридической науки представляет интерес во многих отношениях. Именно в этот период благодаря влиянию исторической школы права и материализма, а также достижениям целого ряда гуманитарных наук (в первую очередь социологии, биологии и психологии) происходит преодоление правового этатизма, достаточно длительное время определявшего направленность развития юридического знания. В это же время отечественными правоведами остро осознается необходимость перехода отечественной юридической науки от накопления теоретических знаний и решения прикладных задач к профессиональному юридическому мышлению.

Так, С. А. Муромцев неоднократно подчеркивал, что «научное самосознание отстает от действительного состояния науки, задерживая ее поступательное движение»¹. Б. А. Кистяковский выразительно характеризовал состояние современной ему юриспруденции в качестве «методологического бездорожья»², обусловленного как накоплением в социально-гуманитарном знании огромной массы неотрефлексированных научных данных, так и идейным хаосом предшествующих десятилетий.

Поэтому не удивительно, что помимо проблематики, связанной с исследованием феноменов государства и права, отечественные правоведы конца XIX века, безотносительно к разделяющим их методологическим парадигмам и типам правопонимания, начинают активно рефлексировать по поводу предмета, методов, структуры и социального назначения юридической науки. В зависимости от избранного ракурса на предмет юриспруденции — норм, идей, правоотношений, эмоций или их совокупности — правоведами определялся круг методов, посредством которых следует изучать правовые явления. Объединяло всех российских ученых признание нормативного характера позитивного права, соответственно, значимости формально-догматического метода его изучения.

Поиск универсальной методологической парадигмы не увенчался успехом, что вполне объяснимо, учитывая многообразие представлений о праве, однако важным его результатом стало

¹ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права (часть первая) // Муромцев С. А. Избранное / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. Москва, 2015. С. 27.

² Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. Москва, 1916. С. 664.